

8. Тарасов А. А. О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 131–141.

9. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/ (дата обращения: 27.01.2022 г.)

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1478-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1218-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1445-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision555345.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

13. Дьяконова О. Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством экспертизы, как реализация экспертной инициативы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 66–78.

© Максимов О. А.

УДК 343.132:004.773.5(470)

А. В. ПОБЕДКИН, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, head of the criminal politicians chair of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of law, professor (Moscow)

**ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ:
РАМОЧНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ**

**PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS
USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION SYSTEMS
IN THE PRE-COURT PROCEEDINGS:
FRAMEWORK OF PROCEDURAL GUARANTEES**

Аннотация. В статье анализируются новеллы отечественного уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие возможность производства с использованием систем видео-конференц-связи допроса, очной ставки, опознания. Обращено внимание на широкую рамочность процессуальной регламентации производства указанных действий, что ставит под угрозу процессуальные гарантии. Рассмотрены различные варианты производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи в зависимости от места нахождения их участников. Предлагаются наиболее приемлемые действия должностных лиц в различных ситуациях и направления совершенствования уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова и словосочетания: видео-конференц-связь, цифровые технологии в уголовном судопроизводстве, дистанционный допрос, опознание, очная ставка.

Annotation. *The article analyzes the novelties of the domestic criminal procedural legislation, which provide for the possibility of production using video-conferencing systems for interrogation, confrontation, identification. Attention is drawn to the broad framework of the procedural regulation of the production of these actions, which jeopardizes the procedural guarantees. Various options for the production of investigative actions using video-conferencing are considered, depending on the location of their participants. The most acceptable actions of officials in various situations and directions of improving the criminal procedure law are proposed.*

Keywords and phrases: *video conferencing, digital technologies in criminal proceedings, remote interrogation, identification, confrontation.*

Использование современных информационно-телекоммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве – самая актуальная тема в науке уголовного процесса последних лет, нередко, к сожалению, в ущерб иным актуальным процессуальным проблемам. На преувеличенные ожидания от использования таких технологий в уголовном судопроизводстве уже обращалось внимание [1, с. 15–25; 2, с. 50–55].

Технологические прорывы в истории человечества в целом не изменили существо уголовного процесса, который, конечно, воспринимал в разумных пределах отдельные результаты научно-технического прогресса. Развитие цифровых технологий не способно и не должно перевернуть уголовное судопроизводство, придать ему механистическую сущность, разрушить нравственные основы процесса, теоретические представления о доказывании, понятии и видах доказательств, роли должностного лица, ведущего производство по уголовному делу и несущего за его ход и результаты полную ответственность как процессуальную, так и иную. В этой связи не имеют оснований быть поддержанными мнения о необходимости цифровой революции в судопроизводстве [3; 4, с. 24–34]. Впрочем, многочисленные предложения о цифровизации уголовного судопроизводства и, прежде всего, уголовно-процессуального доказывания носят поверхностный лозунговый характер, мало помогающий в решении конкретных уголовно-процессуальных проблем. Один из примеров: «Привлечение информационных технологий позволит оценивать эффективность приговоров. Современная теория уголовно-процессуальных процессов доказательств виновности требует неизбежных

изменений, так как переход в цифровую эпоху связан с внедрением инновационных средств» [5, с. 226–227].

Однако после теоретического осмысления использование в уголовном судопроизводстве возможностей цифровизации, конечно, неизбежно. Об этом свидетельствует и опыт отдельных государств на постсоветском пространстве (например, в Республике Казахстан), где, к слову, цифровые технологии большей частью используются в процессуально-организационном ключе в целях ускорения доведения информации о процессуальных действиях и решениях до уполномоченных участников уголовного процесса (прокурора, защитника и т. д.). Такое направление внедрения цифровых технологий в уголовный процесс не вызывает возражений.

Более осторожного отношения требуют предложения и законодательные решения в части использования информационно-телекоммуникационных технологий, особенно, дистанционных, при производстве процессуальных действий, требующих обеспечения процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса. Здесь важно руководствоваться правилом, в соответствии с которым внедрение современных технологий в уголовное судопроизводство ни в коем случае не может снижать уровень таких гарантий, а, напротив, должно выступать дополнительным средством, их усиливающим [6, с. 27–38]. При этом недопустимо ставить под угрозу и гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу, которые зачастую являются одновременно и гарантиями прав человека, хотя нередко обеспечивают исключительно правильное установление значимых для уголовного дела обстоятельств.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий именно при собирании доказательств стало особенно актуальным в условиях пандемии COVID-19. В ситуации введенных ограничений Верховный Суд Российской Федерации даже дозволил дистанционное участие в судебных разбирательствах в случаях, прямо не предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7, с. 268; 8, с. 211–219].

Ясно, что действия, не разрешенные УПК РФ, даже в сложных обстоятельствах организационного характера оправданы быть не могут. Вопрос о внесении изменений в уголовно-процессуальный закон резко актуализировался. Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России в 2020 г. поставил задачу проработать вопрос использования в уголовном процессе новых способов собирания доказательств, в том числе в случаях, когда участники следственных действий к месту их проведения по объективным причинам явиться не могут [9].

Поручение Президента Российской Федерации реализовано в виде Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает возможность производства отдельных следственных действий: допроса, очной ставки, опознания – путем использования систем видео-конференц-связи.

Как и следовало ожидать, изменения в УПК РФ в целом ориентированы на случаи территориальной отдаленности участников следственных действий от места производства предварительного расследования и не способны кардинально решить проблему преодоления ограничений, введенных в условиях пандемий и эпидемий, поскольку лица, участвующие в следственных действиях, обязаны являться в орган предварительного расследования по месту своего нахождения, т. е. вступать в непосредственное общение с людьми. Другого решения

не следовало и ожидать, ибо не существует никакой реальной возможности обеспечить как необходимую деловую обстановку, так и процессуальные гарантии при дистанционном участии в следственном действии лица, находящегося по месту своего жительства, без присутствия следователя (дознателя).

С учетом этого законодатель пошел по пути использования аналогии со ст. 278.1 УПК РФ, позволяющей суду допрашивать свидетеля (потерпевшего) с использованием систем видео-конференц-связи. Однако заметные различия между правилами новой ст. 189.1 и ст. 278.1 УПК РФ существуют.

Прежде всего, ст. 189.1 УПК РФ допускает с использованием видео-конференц-связи производство не только допроса, но также очной ставки и опознания. Заметим, что в отличие от наименования ст. 193 («Предъявление для опознания») использование термина «опознание» в названии гл. 26 УПК РФ представляется более точным, поскольку суть действия состоит именно в опознании – процедуре установления тождества, осуществляемой опознаваемым [10, с. 151]. Опознание как следственное действие допускается и в ходе судебного следствия (гл. 37 УПК РФ), однако законодатель не решился разрешить его производство дистанционно. Вероятно, причины здесь исключительно организационные: проработка вопроса дистанционных следственных действий была поручена МВД России.

Однако по какой причине законодатель допустил производство с использованием систем виде-конференц-связи, кроме допроса и очной ставки, только предъявление для опознания? Вероятно, разработчики законопроекта ориентировались на ошибочную точку зрения о производности предъявления для опознания от допроса, тогда как на самом деле сутью предъявления для опознания является отождествление личности, а не сообщение вербальной информации [10, с. 149–150].

Действительно, в ходе предъявления для опознания постановка задачи осуществляется в вербальной форме, далее – наблюдение за идентификационными действиями опозна-

ющего, результат которых выражается им в вербальной форме. При этом допрос и очная ставка – действия технически статичные. Они не требуют от их участников совершения каких-либо действий, кроме вербальной коммуникации (за исключением составления протокола следственного действия), что удобно для применения дистанционных технологий, позволяющих установить связь с лицом, ведущим производство по уголовному делу. Таким образом, решение о возможности дистанционной очной ставки вполне объяснимо.

Иные следственные действия требуют производства процедур, которые по видео-конференц-связи осуществить затруднительно. Речь об активных действиях невербального характера (осмотр, освидетельствование, обыск, выемка), в том числе о перемещениях, восприятии полноценной картины обстановки следственного действия для принятия процессуальных решений в его ходе (следственный эксперимент, проверка показаний на месте).

Для таких следственных действий, производство которых не позволяет следователю (дознавателю), ведущему производство по уголовному делу, в полном объеме контролировать их ход, предусмотрена возможность направления письменного поручения о производстве следственного действия в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

Отметим другие отличия правил, установленных ст. 198.1 УПК РФ, от правил допроса с использованием видео-конференц-связи в ходе судебного следствия. Судья по месту нахождения допрашиваемого свидетеля (потерпевшего) удостоверяет их личность (ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ), однако такая обязанность на следователя (дознавателя) по тому же месту не возложена и, как представляется, напрасно. Правоприменитель склонен толковать закон буквально, в связи с чем процессуально удостоверить личность явившихся для производства следственного действия придется должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, что в условиях дистанционных технологий малоэффективно.

Обратим внимание и на то, что в ходе судебного следствия дистанционному допросу подлежит только свидетель и потерпевший. Подсудимый участвует в судебных процедурах с использованием систем видео-конференц-связи только в строго оговоренных законодателем случаях. При рассмотрении в суде первой инстанции уголовного дела по существу участие подсудимого, содержащегося под стражей, допускается в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и только по уголовным делам о преступлениях, прямо перечисленных в ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ. В ст. 189.1 УПК РФ прямых исключений для дистанционного допроса обвиняемого (его же участия в очной ставке) не делается. Придется опираться на косвенные признаки воли законодателя: протокол допроса, очной ставки, опознания согласно ст. 189.1 УПК РФ составляется с учетом требований статей 166, 167, 170, 189, 190, 192 и 193 УПК РФ. Обратим внимание, что ст. 173 УПК РФ в приведенный перечень не включена. Однако в ней сказано, что допрос проводится в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ («Общие правила проведения допроса»), с изъятиями, предусмотренными ст. 173 УПК РФ. К числу изъятий относятся правила, касающиеся допроса обвиняемого сразу после предъявления ему обвинения. Повторные допросы обвиняемого производятся по его просьбе по общим правилам производства допроса, которые предусмотрены в ст. 189 УПК РФ. Исходя из изложенного можно сделать вывод: законодатель позволяет повторные допросы обвиняемого производить с использованием систем видео-конференц-связи.

Равно допустим с использованием видео-конференц-связи и допрос подозреваемого, за исключением подозреваемого, задержанного в порядке ст. 92 УПК РФ, поскольку в приведенном перечне статей, учитываемых при составлении протокола следственного действия, отсутствует ч. 4 ст. 92 УПК РФ. Соответственно и очная ставка с использованием видео-конференц-связи с участием любых ранее допрошенных лиц

при наличии существенных в них противоречий в случае необходимости может быть проведена между любыми участниками уголовного процесса.

При этом должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, вправе произвести очную ставку с использованием видео-конференц-связи при нахождении ее участников в одном помещении не по месту производства предварительного расследования. В таком случае направление поручения в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ нецелесообразно, поскольку следователь (дознатель), у которого уголовное дело находится в производстве, безусловно лучше ориентируется в его обстоятельствах, чем следователь (дознатель), выполняющий поручение. Соответственно и гарантии эффективности результата очной ставки выше, когда она проводится лицом, осуществляющим расследование.

Очная ставка между участниками судопроизводства, находящимися в разных местах, территориально отдаленных друг от друга, – это вариант, который, надо полагать, законодатель имел в виду в первую очередь. Права участникам этого следственного действия следователь (дознатель), осуществляющий производство по уголовному делу, имеет возможность разъяснить самостоятельно. В полном объеме он способен и руководить следственным действием, ставить допрашиваемым лицам вопросы, отводить заданные вопросы и т. д.

При проработке проблемы использования дистанционных технологий в ходе следственных действий вызывал вопросы порядок подписания протокола следственного действия (допроса, очной ставки) допрошенными участниками уголовного судопроизводства [11, с. 451], однако законодатель решил его вполне приемлемо, ограничив при этом возможность личного прочтения протокола лицами, давшими показания, – путем оглашения протокола и направления в адрес лица, ведущего производство по уголовному делу, подписки, в которой отражается факт разъяснения участникам следственного действия прав, обязанно-

стей и ответственности, а также оглашения протокола следственного действия. В данной подписке, направляемой должностному лицу, производившему следственное действие, участники следственного действия вправе сделать замечания об уточнении или дополнении протокола. Обратим внимание, что законодатель указывает на замечания о дополнении и уточнении протокола. Заметим также, что собственноручная запись в протоколе допроса, невзирая на различные точки зрения, показаниями не является, поскольку показания все же предполагают изложение сведений устно с последующей их фиксацией в протоколе. Письменные записи без предварительного устного изложения имеют иную природу информационного сигнала. Участник следственного действия даже в ходе допроса (очной ставки) не может ни уточнить, ни дополнить протокол. Он имеет возможность лишь сделать замечания относительно его полноты и правильности.

Некоторые процессуальные сложности могут возникнуть при производстве с использованием видео-конференц-связи опознания. Наиболее сложная задача следователя (дознателя) в ходе этого следственного действия – соблюсти процессуальные требования его производства, в том числе правильно вербальным способом поставить задачу. В ст. 193 УПК РФ опущена формулировка задачи, ставящейся перед опознающим, т. е. не предусмотрена формулировка вопроса следователя (дознателя). Правильно сформулированный вопрос должен быть акцентирован на том, видел ли опознающий предъявляемых для опознания лиц, и если видел, то при каких обстоятельствах (вместо: «есть ли среди предъявляемых лиц то, о котором опознающий ранее давал показания», ибо другие предъявляемые лица могут быть знакомы ему по иным причинам). В целом применительно к предъявлению для опознания в режиме видео-конференц-связи это вполне возможно, хотя и не для всех ситуаций целесообразно.

В случае нахождения опознаваемого и опознающего в одном и том же месте, территориально отдаленном от места произ-

водства предварительного расследования, производство данного действия с использованием систем видео-конференц-связи нецелесообразно, поскольку ответственность за его законность в полном объеме несет должностное лицо, производящее следственное действие, однако именно оно и не в состоянии проконтролировать, соблюдались ли при опознании необходимые требования, в частности не допускались ли какие-либо подсказки опознающему вне зоны охватываемой видеокамерой. В рассматриваемом варианте следователю (дознавателю), у которого уголовное дело находится в производстве, затруднительно гарантировать соблюдение всех процессуальных гарантий, и прежде всего, недопустимость визуального контакта опознающего и опознаваемого до следственного действия, или иных вольных или невольных подсказок опознаваемому.

В таком случае ответственность за законность производства следственного действия должен в полном объеме нести следователь (дознаватель) по месту нахождения опознаваемого и опознающего. Иначе говоря, необходимо направлять поручение о производстве предъявления для опознания в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Представляется, те же правила следует применять и для производства предъявления для опознания предметов и трупа, если опознающий может это сделать без использования видео-конференц-связи непосредственно.

Нахождение опознаваемого в месте производства предварительного расследования или в ином месте, территориально отдаленном от места нахождения опознаваемого, и есть те случаи, когда необходимо предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи. В самом деле организационные сложности обеспечения нахождения в одном и том же месте опознающего и опознаваемого в отдельных случаях могут оказаться непреодолимыми.

Однако именно в этом случае важно полноценное руководство ходом следственного действия следователем, производящим предъявление для опознания, его персональная ответственность за соблюдение всех

процессуальных гарантий, обеспечивающих достоверность полученного результата. Технически это представляется вполне возможным. Следователь (дознаватель) направляет соответствующее поручение по месту нахождения опознаваемого и опознающего, разъясняет порядок производства следственного действия опознающему, его права, обязанности и ответственность по видео-конференц-связи (или непосредственно, в случае нахождения опознающего по месту производства предварительного расследования) в присутствии по месту нахождения опознающего понятых и вне видео-конференц-связи между местом нахождения опознаваемого и местом нахождения опознающего. Затем в присутствии понятых и следователя (дознавателя) по месту нахождения опознаваемого порядок производства следственного действия, права, обязанности, ответственность по видео-конференц-связи разъясняются и ему, в том числе его право занять любое место среди предъявляемых для опознания. После реализации опознаваемым данного права следователь (дознаватель) подключает к сеансу видео-конференц-связи опознающего, который осуществляет процедуру идентификации.

Предъявление для опознания предметов, трупов в случае территориальной отдаленности места нахождения опознающего также целесообразно осуществлять посредством видео-конференц-связи при условии нахождения понятых в месте нахождения опознающего.

Не исключается предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи и в условиях исключаяющих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Это возможно, если защитник будет находиться по месту нахождения опознающего или ему будет предоставлена возможность дистанционно наблюдать место нахождения опознающего. При этом виде-конференц-связь между опознающим и опознаваемым – односторонняя: опознающий наблюдает предъявляемых для опознания лиц, опознаваемый опознающего не видит.

С учетом особенностей опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, отсутствие защитника в месте нахождения обвиняемого (подозреваемого) – единственный случай, при котором защитник может отсутствовать в том месте, где находится обвиняемый (подозреваемый). Очевидно, что снижение процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), участвующего в следственном действии дистанционно, в иных случаях не позволяет допустить дистанционного участия защитника в таком следственном действии.

Незаконченным представляется требование законодателя, имеющее целью компенсацию снижения уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, заложенное в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, об обязательном применении видеозаписи в ходе следственных действий, проводимых с использованием систем видео-конференц-связи. Ограничиваться видеозаписью обстоятельств, охватываемых видео-конференц-связью, явно недостаточно. Целесообразно обеспечить видеозаписью с максимальным охватом место нахождения участника следственного действия не по месту производства предварительного расследования, что выступит дополнительной гарантией недопустимости незаконного воздействия на него, в том числе в ситуациях нарушения видеосвязи.

Явно неполными являются формулировки п. 4.1 ч. 2 ст. 38 и п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, предусматривающих право лица, ведущего производство по уголовному делу, давать следователю, дознавателю, органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым. В отдельных случаях от следователя (дознавателя) по месту нахождения участника следственного действия требуется выполнение и иных действий, явно выходящих

за рамки обеспечения участия лиц в следственном действии. Например, при опознании, осуществляемом с использованием видео-конференц-связи, в случае нахождения опознаваемого вне места производства предварительного расследования, следователю (дознавателю) в этом месте придется обеспечить выполнение требования о предъявлении для опознания лиц, сходных по внешности (контроль за выполнением данного требования лежит на должностном лице, у которого уголовное дело находится в производстве). Следователь (дознаватель) по месту нахождения предмета (трупа), подлежащего опознанию, должен обеспечить его предъявление опознающему по видео-конференц-связи. Не забудем, что это же должностное лицо отвечает за установление видео-конференц-связи в части функционирования технических средств вне места производства предварительного расследования.

В этой связи в п. 4.1 ч. 2 ст. 38 и п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ следовало бы предусмотреть, что следователь, дознаватель в случаях, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ, вправе давать поручение соответственно следователю (органу дознания, дознавателю), дознавателю (органу дознания) осуществить отдельные процессуальные действия в ходе производства следственного действия, осуществляемого с использованием систем видео-конференц-связи.

Законодатель решился на первый серьезный шаг в сторону применения информационно-телекоммуникационных технологий при собирании доказательств в уголовном процессе. В настоящий момент фактически предусмотрена только такая возможность, а не процессуальный порядок. Если и можно говорить о процессуальном порядке использования дистанционных технологий в ходе следственных действий, то только как о правилах в широких рамках. Такой вариант процессуальной регламентации можно было бы признать достаточным при подготовленном правоприменителе, владеющем правилами толкования уголовно-процессуального закона, применения аналогии, выявления

смысла закона путем анализа его принципов и т. д. В современных реалиях рамочность процессуальных гарантий при производстве

следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи вызывает серьезное беспокойство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
2. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3.
3. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
4. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. А. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб., 2018.
5. Федоров А. Ф. Использование инновационных технологий в решении проблемы уголовно-процессуального доказывания // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. Т. 2. 2021. № 1 (3).
6. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
7. Марковичева Е. В. Цифровые технологии в современном уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. Т. 1. 2021. № 1 (3).
8. Победкин А. В. Может ли крайняя необходимость оправдывать нарушение принципов уголовного судопроизводства (по следам пандемии) // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 2-й Международной конференции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021.
9. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 19.01.2022).
10. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
11. Спешилова Т. С. Об отдельных направлениях использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «62-е криминалистические чтения» / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2021.

© Победкин А. В.